

АЛЕКСЕЙ ОЛЕГОВИЧ СТОЛЯРОВ

*аспирант кафедры международных отношений на постсоветском пространстве факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)
E-mail: Sao-spb@mail.ru*

В статье на основании стенограмм заседаний польского Сейма 1991–2001 гг. рассмотрены элементы исторической памяти о России и СССР польских политиков. В центре внимания автора находится условное разделение депутатов Сейма на «посткоммунистических» и «постсолидарностных», актуальное для рассматриваемого периода: сравнение их «воспоминаний» о прошлом, оценочность и интенсивность выступлений, связанных с историей, наиболее «популярные» сюжеты прошлого, к котором польские депутаты чаще всего обращались.

Ключевые слова: историческая память, российско-польские отношения, посткоммунизм, «Солидарность», Сейм Польши, представления о России и СССР.

Исторические образы России в парламентском дискурсе «посткоммунистических» и «постсолидарностных» партий по материалам стенограмм Польского сейма 1991–2001 гг.

Исследование памяти на сегодняшний день достаточно популярная тема в исторической науке. В центре внимания автора статьи оказалась не историческая память поляков в целом, а сформировавшиеся в среде депутатов Польского сейма в период с 1991 по 2001 гг. образы истории России (Советского Союза) и представления о роли последней в польской истории.

Профессор Варшавского университета А. Войташчик заметил, что до выборов в сейм 2005 г. фактически линия раздела в польском парламенте проходила между «посткоммунистическими» и «постсолидарностными» партиями¹. Несмотря на то, что Войташчик в качестве условной даты смещения линии основного противостояния в политике указал 2005 г., в данном исследовании нам представляется правильным ограничиться периодом 1991–2001 гг. — тремя первыми созывами сейма третьей Польской республики. В сейме четвертого созыва 2001–2005 гг. появились помимо двух указанных сторон новые партии, идеологически восходящие к объединениям польских эмигрантов, не связанным с реалиями Польской Народной Республики (ПНР). Деление польских политиков на «посткоммунистических» и «постсолидарностных» стало размываться, четвертый созыв сейма 2001–2005 гг. можно считать своеобразным переходным периодом.

«Посткоммуническими» партиями в узком смысле можно назвать только «Союз демократических левых сил» (СДЛС) и «Солидарность/союз труда». Обе эти партии-движения возникли в 1991 г. (формально СДЛС как партия зарегистрирована в 1999 г.), они стали своеобразными наследниками Польской объединенной рабочей партии (ПОРП). Важнейшей из них является СДЛС, которая до 1999 г. была только фракцией в парламенте и объединяла представителей ряда левых общественных движений и объединений. Выступления депутатов «Союза труда» менее примечательны в силу их меньшего представительства в сейме.

«Постсолидарностные» партии объединяются по схожему с «посткоммунистическими» признаку: связи с прошлым, то есть члены этих партий имели контакты с профсоюзом «Солидарность». Как правило, большинство из них в той или иной форме поддерживали профсоюз или участвовали в его деятельности. Интересно, что в отличие от «посткоммунистических» партий, являющихся по своей политической ориентации левыми, «постсолидарностные» партии не имели единой ниши в политическом спектре. К «постсолидарностным» партиям можно отнести и Польскую социалистическую партию (левые), и «Соглашение центр» (центристы), и «Право и справедливость» (правые).

Говоря о польских партиях, входивших в сейм в 1991–2001 гг., стоит сделать важное примечание. Известно, что помимо ПОРП в сейм ПНР входили еще и другие партии. Одной из них была «Объединенная Крестьянская партия». В современной третьей Польской республике ее своеобразным наследником стала «Польская крестьянская партия» (ПКП), занимающая в сейме центристские позиции и основывающаяся на идеологии аграризма. Однако говорить о прямой связи ПКП 1990-х гг. и «Объединенной крестьянской партии», существовавшей во времена ПНР, также не представляется возможным. Связано это с тем, что фактически ПКП была образована в 1990 г. представителями «Крестьянской партии – возрождение» (отсылка к «Польской крестьянской партии», существовавшей в Польше в 1947–1949 гг. и возглавляемой Станиславом Миколайчиком) и «Крестьянской партия – виляновское отделение» («потомка» партии ПНР). Таким образом, ПКП включает в свои ряды как политиков, связанных с властями ПНР, то есть «посткоммунистов», так и тех, кто сочувствовал деятельности профсоюза «Солидарность». Интересно, что история создания партии и ее центристская позиция отражают в определенной степени точки зрения обеих сторон нашего сравнения².

Источниковую базу статьи составили стенограммы заседаний Польского сейма за 1991–2001 гг. Для данного исследования из указанного круга источников были выбраны те, которые раскрывают суть представлений депутатов сейма об истории России или отдельных чертах

России современной, связанных с историей. Кроме того, в этот перечень были включены высказывания депутатов сейма, в которых последние обращались к отдельным эпизодам из российской (советской) истории для поиска аргументации или иллюстрации своей позиции по вопросам современной внешней и внутренней политики.

Сравнение сформировавшихся образов российской истории в парламентском дискурсе различных партий стоит начать с наиболее очевидного — количественного показателя оценочных высказываний, эти образы содержащих.

Автору удалось обнаружить 114 высказываний депутатов Польского сейма, отвечающих указанным критериям. Представляется, что это достаточно полная подборка выступлений польских парламентариев, сделанных в рамках заседаний нижней палаты польского парламента по данной тематике.

Обращает на себя внимание распределение этих выступлений по группам депутатов. Так, только 18 из 114 высказываний (за 10 лет!) принадлежат депутатам «посткоммунистических» партий, 18 — депутатам ПКП, 78 — депутатам партий «постсолидарностных»³.

Чтобы дать сравнительную оценку количеству выступлений, раскрывающих образы истории России (СССР), сделанных депутатами той или иной группы партий, необходимо соотнести это количество с общим числом депутатов рассматриваемых групп. Так, доля депутатов СДЛС и «Союза труда» в сеймах трех созывов в 1991–2001 гг. составила 31,9 %, при том, что из всех высказываний, связанных с историей России, им принадлежит лишь 15,8 %.

У ПКП доля депутатов и доля высказываний об истории России почти совпадают: 10,5 % и 15,8 % соответственно.

Наконец, 53,1 % депутатов сейма в рассматриваемый период были членами «постсолидарностных» партий⁴, и им принадлежит 68,4% высказываний, касающихся истории России. Из этого можно сделать вывод, что политики «постсолидарностных» партий в 1991–2001 гг. чаще апеллировали к истории России в своих выступлениях, чем представители партий, так или иначе исторически связанных с режимом ПНР.

Кроме прочего, высказывания «посткоммунистических» и «постсолидарностных» депутатов отличаются по характеру оценок исторических событий, роли России в них. У представителей «посткоммунистических» партий преобладал оценочно-нейтральный образ истории России (72,22 % всех высказываний депутатов этой группы)⁵. Нейтральность проявляется в стремлении давать относительно взвешенные оценки событиям прошлого и современности. В выступлениях «посткоммунистических» депутатов в большинстве своем нет драматизма по поводу неоднозначной роли, которую сыграла Россия в

истории Польши, нет жестких и даже агрессивных слов о роли России в польской истории, какие можно встретить в выступлениях «постсолидарностных» политиков. Так, например Павел Ивиньский 25 апреля 1995 г. сказал: «Мы (СДЛС – А.С.) считаем, что важнейшим интересом Польши является победа демократических сил в России, укрепление независимости балтийских государств, Украины и Беларуси... Мы, как политическое объединение польских левых, не поддерживаем и не будем поддерживать политическое сотрудничество с группами, грезящими о восстановлении авторитарной империи, стремящимися к реабилитации сталинизма и тоталитаризма»⁶.

Лишь 27,77 % всех выступлений «посткоммунистических» депутатов за рассматриваемый период, в которых упоминалась бы история России, можно считать негативными. Одним из немногих примеров подобных выступлений «посткоммунистических» депутатов является речь Анджея Липского, в которой тот сказал, что «отвращение к полякам, выводимое из далеких веков, было одним из элементов образования (в России – А.С.)»⁷. Антипольские выступления, такие как речи В.В. Жириновского, А. Липский назвал фольклором политической культуры России, наихудшим проявлением которого, по мнению польского депутата, была «антикатынская клевета».

В силу значительно большего количества высказываний, в которых затрагивались темы истории России, и представления более широкого политического спектра образы истории России у политиков «постсолидарностных» партий значительно менее однородны, в отличие от образов, сформировавшихся у представителей партий «посткоммунистических». Оценки истории депутатами этой группы расходились по целому ряду вопросов, например, по вопросу принадлежности России к Европе.

Лешек Мочульский из парламентского клуба «Конфедерация независимой Польши» 30 апреля 1993 г. посвятил свое выступление возвращению Польши в единую Европу, однако поставил вопрос о том, что является границами Европы: верна ли концепция Ш. де Голля о Европе от Атлантики до Урала или концепция, появившаяся в 1960-х гг., что Европа простирается от Сан-Франциско до Владивостока. Ответ депутата Мочульского был однозначен: Казахстан, Монголия и Россия не являются европейскими странами. Он подчеркнул, что у России с Европой разнятся наборы ценностей⁸.

Годом ранее, 8 апреля 1992 г., депутат от «Христианско-национального союза» Мариан Пилка отметил, что отношения с Россией для Польши являются «важнейшей частью европейской политики»⁹.

Таким образом, в сейме в рассматриваемый период среди представителей условной группы «постсолидарностных» партий не было единого мнения о месте России по отношению к Европе на политичес-

кой ценностно-ориентированной ментальной карте континента.

Еще одним примером спорных оценок истории России могут послужить различные представления о роли русского (российского)¹⁰ народа (отдельно от государства) в истории.

Кшиштоф Каминьский из уже упоминавшейся «Конфедерации независимой Польши» назвал русских великим народом, «народом Платона Каратаева и Рылеева»¹¹. Величие русского народа, как ни странно, достаточно часто подчеркивалось различными польскими депутатами вне зависимости от их групповой или идеологической принадлежности.

Достаточно часто в выступлениях польских депутатов встречается и точка зрения, которую, озвучил 30 апреля 1993 г. Марек Юрек из «Христианско-национального союза», назвавший русских «первой жертвой коммунизма»¹². Одновременно с тем можно обнаружить и кардинально противоположные позиции. Так, Ядвига Рудницкая из депутатского объединения «Христианская демократия» отметила 3 июля 1992 г., что «после 50 лет оккупации жители постсоветских государств воспринимаются (в Польше — А.С.) как угнетатели»¹³. Подобные оценки являются скорее исключениями из общей тенденции, но имеют место быть.

В целом в выступлениях депутатов сейма от «постсолидарностных» партий можно проследить скорее негативную оценку роли России в польской истории. Разброс тем и поводов для высказывания подобной позиции достаточно широк.

Например, депутат сейма от парламентского объединения «Союз реальной политики» Анджей Селанчик в ходе обсуждения введения государственных монополий в Польше высказался в том смысле, что после введения в царской России государственной монополии на водку Россия стала самой пьющей страной, а вместе с ней и часть Польши, входившая в то время в состав Российской империи¹⁴. Чаше, однако, встречаются куда более трагичные сюжеты из истории XX в., в описании которых образ истории России (СССР) исключительно драматичен.

Так, 3 апреля 1998 г. Чеслав Соберайский, депутат от парламентского клуба «Избирательная акция «Солидарность»» в рамках обсуждения закона «О преступном характере коммунистической системы», название которого звучит красноречиво само по себе, вспомнил, что после победы над нацизмом с 20 ноября 1945 г. по 1 октября 1946 г. был проведен Нюрнбергский процесс, который осудил деятельность НСДАП, СС, гестапо и немецкой службы безопасности. Ч. Соберайский подчеркнул, что «существует не просто сходство, но равенство между преступлениями и преступленными, совершенными нацистами, и преступлениями, совершенными руководством Коммунистической партии СССР и Польской рабочей партии»¹⁵. Фактически, по мнению

депутата, ПРП отдала Польшу «в рабство». Подобных ярких негативных оценок, влияния России (СССР) на Польшу в различные исторические периоды, и в особенности после Второй мировой войны, в выступлениях депутатов сейма в 1991–2001 гг. можно обнаружить достаточно много (76,9 % от общего числа высказываний депутатов «постсолидарностных» партий).

Говоря об исторической памяти польских парламентариев в рассматриваемый период, важно очертить круг исторических сюжетов, затрагиваемых депутатами в своих выступлениях вне зависимости от их политической принадлежности.

Наиболее популярной темой была связь прошлого и современных польско-российских отношений. Эта тема была поднята в 15 % из 114 рассмотренных высказываний. Кроме того, по этой теме звучит наименьшее количество негативных оценок истории России. В большинстве своих выступлений депутаты Польского сейма от различных партий либо просто декларировали наличие влияния истории на польско-российские отношения, либо говорили о необходимости уменьшить в этих отношениях остроту исторических вопросов.

5 марта 1998 г. депутат от «Польской крестьянской партии» Януш Доброш в рамках встречи депутатов сейма с министром иностранных дел Польши отметил, что «над отношениями России и Польши довлеет история. Необходимо понять, что было плохое, что хорошее»¹⁶. Возможным инструментом такого понимания Доброш назвал межпарламентскую комиссию. В тот же день почти идентичную мысль высказал депутат сейма от парламентского клуба «Избирательная акция «Солидарность»» Мариант Солтысевич: «В связи с бременем и негативным историческим наследием Польши и России наша политика должна осуществляться уважительно, взвешенно, но решительно»¹⁷.

О влиянии истории на двусторонние отношения говорили и «посткоммунисты». Депутат от «Союза труда» Анджей Аумиллер, хоть и призвал 20 июня 1997 г. наказать виновных в сталинских преступлениях, однако сказал о необходимости исключить принцип коллективной вины, чтобы «не ухудшать польско-российских отношений»¹⁸.

Тема влияния истории на польско-российские отношения была действительно популярна в сейме. Это становится вполне понятным, если обратиться к перечню других часто упоминаемых исторических сюжетов: сталинский террор и события, с ним связанные (расстрелы, депортации), упоминаются в 13,2 % рассмотренных выступлений; спорам о том, возрождаются или нет имперские амбиции в Российской Федерации, было посвящено 11,4 % депутатских высказываний, связанных с историей России (понятно, что подобную проблематику польские политики поднимали в силу наличия у них болезненного исторического опыта); среди прочих популярных исторических тем в

Польском сейме оказались влияние Советского Союза на ПНР, события августа-сентября 1939 г., борьба Красной армии с Армией Крайовой (АК) после 1944 г., а также исторические опасности геополитического положения Польши между Россией и Германией.

Можно обнаружить некоторые различия в перечне поднимаемых тем между депутатами «посткоммунистических» и «постсолидарностных» партий. Так, первые значительное внимание уделяли уже упомянутому вопросу о влиянии истории на современные польско-российские отношения (27,77 % от всех высказываний депутатов «посткоммунистических» партий), а также состоянию имперских идей и державности в России 1990-х гг. (22,22 %). Таким образом, ровно 50% всех выступлений «посткоммунистических» депутатов, в которых упоминалась история России, касались в первую очередь современности. При этом основная часть этих выступлений, как отмечалось выше, была оценочно-нейтральной.

С одной стороны, можно говорить о более реалистичном подходе «посткоммунистических» депутатов сейма. Не обращаясь постоянно к негативному историческому образу России, они поднимали действительно актуальные вопросы отношений двух государств. С другой стороны, можно понять, почему бывшие деятели ПОРП и члены «Союза социалистической молодежи», связанные в той или иной степени с режимом ПНР, не стремились уже в 1990-х гг. критиковать этот режим и действия (за исключением наиболее жестоких) советских властей.

Исторические события, чаще всего упоминавшиеся в рассматриваемый период депутатами «постсолидарностных» партий, практически полностью совпадают с указанным выше перечнем популярных тем для всего сейма. Часто упоминались «удар ножом в спину» от Советской России 17 сентября 1939 г., депортация поляков на Восток, решение судьбы Польши на Ялтинской конференции. В выступлениях «постсолидарностных» депутатов встречаются и достаточно редкие исторические темы для польского сейма – касающиеся истории до 1939 г. Выступлений таких единицы¹⁹. Однако особый акцент «постсолидарностные» депутаты делали на характере режима ПНР и связи его с Советским Союзом. Так, депутат от федеративного парламентского клуба «Избирательная акция «Солидарность»» Адам Сломка 24 февраля 1997 г. назвал ПНР «несуверенным государством, созданным советской агентурой для управления польским народом»²⁰. В то время как деятельность самой «Солидарности», что очевидно, оценивалась «постсолидарностными» депутатами крайне высоко. В выступлении Ежи Бузека в сейме при вступлении в должность премьер-министра член все той же «Избирательной акции» сказал, что деятельность «Солидарности» в августе 1980 г. положила начало развалу

коммунистического строя: «Это привело к концу империи зла»²¹.

По причине незначительного количества выступлений, связанных с образами истории России, сделанных в рассматриваемый период «посткоммунистическими» депутатами, сложно говорить о систематизации их исторических представлений. Часто высказывания о каком-либо сюжете единичны, и на их основании невозможно делать общие выводы об образах истории, сформированных у представителей данной группы депутатов. Однако обращает на себя внимание сравнение подобных единичных представлений «посткоммунистов» по различным вопросам истории с точкой зрения «постсолидарностных» депутатов сейма.

Например, депутат от СДЛС Збигнев Сементсковский 1 февраля 1992 г. сказал о введении военного положения в 1981 г.: «Я не чувствую себя вправе выносить приговор вместо истории»²², при этом он отметил, что невозможно дать объективную оценку историческому событию столь приближенному во времени. По мнению депутата, ее необходимо давать, основываясь на научном историческом подходе, и вряд ли это могут сделать непосредственные участники.

Спустя всего 4 года «постсолидарностный» депутат сейма второго созыва, представитель парламентского клуба «Союз свободы» Яцек Тейлор вполне определенно трактовал указанные события 1981 г., когда правительству ПНР пришлось прибегнуть к насилию: «польские надежды были разгромлены ради интересов России»²³.

Еще очевиднее разница в подходах «посткоммуниста» Вацлава Олака из СДЛС и Софии Красицкой-Домбки из «Избирательной акции «Солидарность»» к вопросу об оценке деятельности АК после Второй мировой войны. Депутат Олак 7 января 2000 г. в своем выступлении, коснувшись истории АК, вспомнил, что «поскольку война окончилась, люди стали заботиться о своей повседневной жизни, партизанские отряды лишились широкой поддержки, бывшей результатом патриотического подъема, которым пользовались во время немецкой оккупации»²⁴, после вступления советских войск на польскую территорию бойцам АК запрещено было иметь оружие, те, в свою очередь, продолжали бороться уже против советских властей, что привело, по мнению В. Олака, к началу гражданской войны в Польше, продлившейся несколько лет.

14 марта 2000 г. София Красицкая-Домбка «вспоминала» те же поиному. Она указывала, что Красная армия вместо желанного освобождения принесла Польше новую оккупацию. АК продолжила свою подпольную деятельность, новая ее организация получила название «Свобода и независимость». Членов этой организации «арестовывали, фальшиво судили, казнили выстрелами в затылок, как в Катыни, или через повешение. Жертвы преступлений были похоронены в

безымянных местах»²⁵.

Подобная тенденция расхождения в оценках прослеживается практически по большинству тем, затрагиваемых депутатами обеих рассматриваемых групп партий. «Посткоммунистический» депутат от СДЛС Антони Кобелуш 25 мая 1995 г. объяснил подобную тенденциозность в оценках образов России в истории в выступлениях своих коллег отметив, что «часть польской элиты рассматривает антисоветские стремления, как проверку на прозападную ориентацию»²⁶.

Точнее всего отношения «посткоммунистических» и «постсолидарностных» депутатов к России и ее истории прокомментировал уже в 2005 г. лидер «Польской крестьянской партии» Вальдемар Павлак. Он заметил, что «левые боятся серьезного диалога, чтобы не быть осужденными за это, а правые стремятся диктовать России максимально жесткие условия»²⁷. Как представляется, подобные позиции сформировались не в последнюю очередь под влиянием различий в их исторической памяти.

Сравнение образов истории России (СССР), к которым апеллировали в 1991–2001 гг. депутаты сейма Польши от «посткоммунистических» и «постсолидарностных» партий, приводит к достаточно интересным выводам.

В первую очередь обращает на себя внимание количественный показатель высказываний об истории России обеих групп: «посткоммунисты» значительно реже в рассматриваемый период упоминали историю России в своих выступлениях, а если и упоминали, то, как правило, без резких негативных экспрессивных оценок и по вопросам, касающимся актуальных двусторонних отношений. В то же время для депутатов «постсолидарностной» группы партий образ истории России — ключевой, к нему возвращаются неоднократно, его характеристики, в целом, негативные и очень выразительные. Хотя при этом среди депутатов этой группы встречаются противоположные точки зрения по целому ряду вопросов, что свидетельствует о меньшей однородности этой группы по сравнению с «посткоммунистами». Это замечание лучше всего проиллюстрировано историей: как отмечалось вначале, в 2005 г. линия противостояния в польской политике сместилась, и вплоть до сегодняшнего дня основная конкуренция идет между двумя уже «постсолидарностными» партиями — «Законом и справедливостью» и «Гражданской платформой».

Примечательно, что благожелательные элементы образа истории России за указанный период удалось обнаружить только в выступлениях депутатов «постсолидарностных» партий и касались они исключительно русского (российского) народа. В то время как выступления их «посткоммунистических» коллег преимущественно нейтральны. Можно предположить, что, с одной стороны, как отметил В. Павлак, левые

боялись, что их обвинят в сотрудничестве с Россией, а, с другой, вероятность найти положительные оценки среди 78 высказываний значительно больше, чем среди 18. Разброс мнений «постсолидарностных» депутатов можно объяснить тем же количественным показателем.

Преобладание же негативных оценок образов истории России, как представляется, вызвано господством идеи мученичества в современных представлениях о польской истории. Исследователи коллективной памяти отмечают, что после Второй мировой войны во всем мире произошло смещение акцентов в исторической памяти государств и народов с героизации на подчеркивание собственных страданий, что было вызвано, в первую очередь, коммеморацией Холокоста²⁸.

Важно отметить, что, несмотря на противоречивые оценки, даваемые отдельными депутатами историческим событиям, связанным с Россией (СССР), в парламентском дискурсе сейма нет жестких противоречий: никто не оспаривает тяжести сталинских репрессий или того, что СССР во многом контролировал ПНР, в которой ограничивались свободы. Таким образом, можно говорить об относительно консолидированных образах истории и представлений о роли России в ней среди польских политиков. Ярче всего это нашло отражение в парламентском дискурсе депутатов ПКП, имевшей двойное происхождение.

Отдельно стоит обратить внимание на то, что в представлениях депутатов сейма об истории образы российского (советского) государства и образы российского (советского) народа отделены. И если первые ассоциируются со сталинским террором, угнетением поляков, установлением режима ПНР, то образы народа чаще представляют людей, страдавших, например, от коммунистических властей в равной с поляками мере. Из сказанного выше можно, однако, сделать вывод, что эти представления неоднородны и встречаются точки зрения, объединяющие образы истории советского государства и его народа, несущих равную ответственность за страдания поляков.

Сравнений образов истории России у «посткоммунистических» и «постсолидарностных» депутатов представляется вполне обоснованным, как сравнение двух основных отличающихся подходов к использованию памяти в польской политике рассматриваемого периода. История, память о ней выступает в качестве политического инструмента межпартийной борьбы, а также аргумента в пользу собственной позиции по многочисленным вопросам внешней или внутренней политики.

¹ См.: *Wojtaszczyk K.A. Wiedza o społeczeństwie*, Warszawa, 2004. Идею о том, что подобное политическое разделение в Сейме просуществовало до 2005 г. проф. К.А. Войташчик высказал на лекции о политической системе

Польской Республики в рамках летней школы «Россия-Польша: трудное партнерство?» 17 июля 2012 г.

² В данной статье историческая память политиков из ПКП в 1991–2001 г. оказалась за рамками исследования.

³ Подсчеты были осуществлены автором статьи. В общее число – 114 – входят выступления депутатов на заседаниях сейма. Партийная принадлежность депутатов определена на основании биографических справок на сайте сейма.

⁴ Оставшиеся 4,2 % депутатов сейма не представляется возможным отнести к той или иной группе (например, «Избирательный комитет немецкого меньшинства», партия «Х», отдельные региональные партии и т.д.)

⁵ Определение характера высказываний – субъективная точка зрения автора.

⁶ 2 kadencja, 50 posiedzenie, 2 dziec (25.05.1995) // Sprawozdania stenograficzne [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://orka2.sejm.gov.pl/Debata2.nsf/9a905bcb5531f478c125745f0037938e/1c2e213b3315e082c12574eb00316074?OpenDocument>

⁷ 2 kadencja, 73 posiedzenie, 3 dziec (16.02.1996) // Sprawozdania stenograficzne [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://orka2.sejm.gov.pl/Debata2.nsf/9a905bcb5531f478c125745f0037938e/a1046bf843c94db8c12574ef003a092d?O>

⁸ 1 kadencja, 43 posiedzenie, 2 dziec (30.04.1993) // Sprawozdania stenograficzne [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://orka2.sejm.gov.pl/Debata1.nsf/9a905bcb5531f478c125745f0037938e/a483d354e494ed5dc125750f0043be91?OpenDocument>

⁹ 1 kadencja, 14 posiedzenie, 3 dziec (08.05.1992) // Sprawozdania stenograficzne [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://orka2.sejm.gov.pl/Debata1.nsf/9a905bcb5531f478c125745f0037938e/b27392b16cbd777ec125750700451d17?OpenDocument>

¹⁰ «Rosyjski» переводится с польского языка и как «русский», и как «российский»

¹¹ 2 kadencja, 73 posiedzenie, 3 dziec (16.02.1996) // Sprawozdania stenograficzne [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://orka2.sejm.gov.pl/Debata2.nsf/9a905bcb5531f478c125745f0037938e/19f7944fdce0654dc12574ef003a08cc?OpenDocument>

¹² 1 kadencja, 43 posiedzenie, 2 dziec (30.04.1993) // Sprawozdania stenograficzne [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://orka2.sejm.gov.pl/Debata1.nsf/9a905bcb5531f478c125745f0037938e/e220f931205b5dcac125750f0043bd39?OpenDocument>

¹³ 1 kadencja, 43 posiedzenie, 2 dziec (30.04.1993) // Sprawozdania stenograficzne [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://orka2.sejm.gov.pl/Debata1.nsf/9a905bcb5531f478c125745f0037938e/4498b8de66e65802c125750f0043bce5?OpenDocument>

¹⁴ 1 kadencja, 19 posiedzenie, 3 dziec (03.07.1992) // Sprawozdania

stenograficzne [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://orka2.sejm.gov.pl/Debata1.nsf/9a905bcb5531f478c125745f0037938e/ed6e7b35f50aec48c125750700453ff7?OpenDocument>

¹⁵ 3 kadencja, 15 posiedzenie, 3 dziec (03.04.1998) // Sprawozdania stenograficzne [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://orka2.sejm.gov.pl/Debata3.nsf/9a905bcb5531f478c125745f0037938e/1547d64cabb2521dc1257491003e4671?OpenDocument>

¹⁶ 3 kadencja, 13 posiedzenie, 2 dziec (05.03.1998) // Sprawozdania stenograficzne [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://orka2.sejm.gov.pl/Debata3.nsf/9a905bcb5531f478c125745f0037938e/f11e7dca636221d0c1257491003e23e5?OpenDocument>

¹⁷ 3 kadencja, 13 posiedzenie, 2 dziec (05.03.1998) // Sprawozdania stenograficzne [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://orka2.sejm.gov.pl/Debata3.nsf/9a905bcb5531f478c125745f0037938e/0322095de5a2d0eac1257491003e24cc?OpenDocument>

¹⁸ 2 kadencja, 109 posiedzenie, 4 dziec (20.06.1997) // Sprawozdania stenograficzne [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://orka2.sejm.gov.pl/Debata2.nsf/9a905bcb5531f478c125745f0037938e/fd22d976c1ced0cbc12574f00038e0d3?OpenDocument>

¹⁹ Например, депутат Адам Сломка упомянул Немой Сейм 1717 г. и влияние на принятие решение Россией (2 kadencja, Zgromadzenie Narodowe (24.02.1997) // Sprawozdania stenograficzne [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://orka2.sejm.gov.pl/Debata2.nsf/9a905bcb5531f478c125745f0037938e/f3c3fbffb2c57063c12574f1003f73dd?OpenDocument>)

²⁰ 2 kadencja, Zgromadzenie Narodowe (24.02.1997) // Sprawozdania stenograficzne [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://orka2.sejm.gov.pl/Debata2.nsf/9a905bcb5531f478c125745f0037938e/f3c3fbffb2c57063c12574f1003f73dd?OpenDocument>

²¹ 3 kadencja, 2 posiedzenie, 1 dziec (10.11.1997) // Sprawozdania stenograficzne [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://orka2.sejm.gov.pl/Debata3.nsf/63fe8ac1a9a1ac48c125746d0030d0f8/a50f5bf4c1a99521c1257490004b6c29?OpenDocument>

²² 1 kadencja, 7 posiedzenie, 3 dziec (01.02.1992) // Sprawozdania stenograficzne [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://orka2.sejm.gov.pl/Debata1.nsf/9a905bcb5531f478c125745f0037938e/acac9052174e1b01c125750500460665?OpenDocument>

²³ 2 kadencja, 90 posiedzenie, 3 dziec (11.10.1996) // Sprawozdania stenograficzne [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://orka2.sejm.gov.pl/Debata2.nsf/4fb829a81a8d007ac125746d0030d0fb/2594c5898fd53f30c12574ef004afede?OpenDocument>

²⁴ 3 kadencja, 69 posiedzenie, 3 dziec (07.01.2000) // Sprawozdania stenograficzne [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://orka2.sejm.gov.pl/Debata3.nsf/9a905bcb5531f478c>

125745f0037938e/3550563ad3148488c125749c003cca03?OpenDocument

²⁵ 3 kadencja, 104 posiedzenie, 1 dziec (14.03.2001) // Sprawozdania stenograficzne [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://orka2.sejm.gov.pl/Debata3.nsf/4fb829a81a8d007ac125746d0030d0fb/5616ac5a9f0d852fc125749d00403d10?OpenDocument>

²⁶ 2 kadencja, 50 posiedzenie, 2 dziec (25.05.1995) // Sprawozdania stenograficzne [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://orka2.sejm.gov.pl/Debata2.nsf/4fb829a81a8d007ac125746d0030d0fb/049736c172934d64c12574eb003164fb?OpenDocument>

²⁷ 4 kadencja, 96 posiedzenie, 3 dziec (21.01.2005) // Sprawozdania stenograficzne [Электронный ресурс] – Электронные текстовые данные. – Режим доступа: <http://orka2.sejm.gov.pl/Debata4.nsf/4fb829a81a8d007ac125746d0030d0fb/8d70c6cd59cf470fc1257479003d8d49?OpenDocument>

²⁸ См., напр.: *Васильев А.Г.* Культурная память/забвение и национальная идентичность: теоретические основания анализа // Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке: Коллективная монография. М., 2012.